

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ ИНСТИТУТА АРХЕОЛОГИИ

Издаются с 1939 года

Выпуск

236

Главный редактор
Н. А. МАКАРОВ

ЯЗЫКИ СЛАВЯНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ЗНАК

МОСКВА 2014

УДК 902/904
ББК 63.4
К 78

**Краткие сообщения Института археологии
Вып. 236 2014**

Главный редактор:
Академик РАН Н. А. Макаров

Издание основано в 1939 г.
Выходит 4 раза в год

Редакционный совет:

д-р П. Бан, проф. А. Блоене, проф. М. Вагнер, проф. М. Волошин, д. и. н. М. С. Гаджиев,
проф. О. Далли, проф. К. фон Карнап Борнхайм, чл.-корр. РАН Н. Н. Крадин, д. и. н. А. К. Левыкин,
чл.-корр. РАН Н. В. Полосьмак, д-р Т. Хайм, д-р Б. Хорд, д-р Чжан Со Хо

Редакционная коллегия:

д. и. н. Л. И. Авилова (зам. гл. ред.), к. и. н. К. Н. Гаврилов, д. и. н. М. В. Добровольская,
д. и. н. А. А. Завойкин, д. и. н. В. И. Завьялов, проф. М. Казанский, к. и. н. А. Р. Канторович,
к. и. н. В. Ю. Коваль, к. и. н. Н. В. Лопатин, к. и. н. Ю. В. Лунькова (отв. секретарь редакции),
член-корр. Болгарской АН В. Николов, Ю. Ю. Пиотровский, к. и. н. Н. М. Чаиркина,
д. и. н. В. Е. Щелинский

К 78 Краткие сообщения Института археологии. Вып. 236 / Ин-т археологии РАН; Гл. ред. Н. А. Макаров. — М. : Языки славянской культуры : Знак, 2014. — 400 с., ил., вклейка.

ISSN 0130-2620

ISBN 978-5-9551-0747-9

УДК 902/904
ББК 63.4

BRIEF COMMUNICATIONS OF THE INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
Editor-in-chief Academician N. A. MAKAROV

*На задней стороне обложки изображен
фрагмент колокола со сценой «Сошествие во Ад» (Воскресение),
(к ст. Л. А. Беляева)*

Подписка на журнал оформляется по Объединенному каталогу
«Пресса России», т. 1, индекс 11907.
Электронный адрес редакции: ksia@iaran.ru.

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19;
Телефон +7 (499) 126-47-98, Факс +7 (499) 126-06-30
E-mail: ksia@iaran.ru

ISBN 978-5-9551-0747-9

© Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт археологии Российской академии наук, 2014
© Авторы, 2014
© Языки славянской культуры, 2014

S. D. Zakharov

New methods of field research and the problems of interpretation of glass beads collections

Abstract. The article considers the correlation observed between composition of glass beads collections obtained from medieval sites and application of new investigational methods during excavations. Flotation of the cultural deposit is characterized as one of the most productive methods. On the base of archaeological sites of the central part of the Beloye Lake region the author demonstrates that frequency of certain categories of beads is determined by their size, colour, and some features of the cultural deposit.

Key words: glass beads, flotation of cultural deposit, representative selection, central part of the Beloye Lake region

About the author

Zakharov Sergey D., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: belozersk2012@yandex.ru.

Н. Н. Фараджева

НЕСТАНДАРТНЫЕ ПОСТРОЙКИ, ИССЛЕДОВАННЫЕ НА ТРОИЦКОМ РАСКОПЕ В НОВГОРОДЕ

Резюме. Статья посвящена рассмотрению двух нестандартных построек, исследованных на территории Людина конца средневекового Новгорода в слоях XI в. Конструктивные особенности сооружений и их значительные размеры выделяют их из общего массива усадебной застройки. Совокупный анализ различных факторов позволяет предложить к рассмотрению ряд версий относительно назначения и традиций сооружения подобных домов.

Ключевые слова: конструкции построек, планировочная структура, застройка, усадебный комплекс.

В результате археологических исследований на Троицком раскопе в Новгороде, археологические работы на котором проводятся начиная с 1973 г., исследован обширный участок Людина конца. В настоящее время площадь Троицкого раскопа составляет уже около 8 тысяч кв. м, здесь изучены остатки 19 усадебных комплексов и получен уникальный материал, позволяющий судить о застройке данной части города на протяжении длительного исторического отрезка, начиная с 30-х гг. X в. и вплоть до 40-х гг. XV столетия. В составе усадебной застройки преобладают четырехстенные и пятистенные срубы различного размера и назначения. Особое место среди всего массива построек занимают сооружения, исследованные в слоях XI в. на Троицком VII, XII раскопах.

Они значительно отличаются от типичного набора строений своими размерами и особенностью конструкции и поэтому отнесены нами к группе «нестандартных сооружений» (Фараджеева, 2000, С. 95, 96). Такие строения заслуживают особого внимания. Остановимся на их характеристике более подробно.

Время возникновения сооружения VII-23–70; XII-21–134¹ (рис. 1) относится к 20-м гг. XI ст. и связано с возобновлением строительства после пожара, уничтожившего предшествующую усадебную застройку. Сооружение было поставлено вблизи Черницыной улицы (ориентировано под прямым углом к ней), но подходило к мостовой не вплотную. На прилегающем к улице участке сохранились фрагментарные остатки мощения.

Строение VII-23–70; XII-21–134 прослежено на длину 12,7 м, ширина его составляла около 9 м. Общая площадь сооружения превышала 114 кв. м. Постройка представляла собой плохо сохранившийся сруб выдающихся размеров.

От постройки сохранился северо-восточный угол, сложенный из бревен диаметром 22–25 см, скрепленных рубкой «в обло», и участки северной и восточной стен. По северной и западной сторонам сруба прослежены ограничительные бревна, диаметром 16 см, уложенные «вперехлест». Концы их в месте стыка заходили одно за другое, а с внешней стороны фиксировались вертикальными кольшками. Составные бревна могли являться остатками обноски. Во внутреннем заполнении сруба прослежены остатки плохо сохранившихся разнонаправленных вымосток из тонких бревен, отнесенных исследователями к остаткам черного пола (Янин и др., 1987, С. 73).

В 40-х гг. XI в. данное сооружение сменяет постройка VII-22–66; XII-19\20–122 (рис. 2), выстроенная на том же месте, но ориентированная уже вдоль Черницыной улицы². Сооружение VII-22–66; XII-19\20–122 имеет длину около 12 м, ширину 9,2 м. Площадь его составляет не менее 110 кв. м.

Постройка представлена настилом из плотно уложенных бревен, обведенным скрепленным в сложный замок венцом (рис. 2, а). Хорошо сохранился юго-западный угол сооружения. Конструкция замка позволяла не только соединить бревна окладного венца, но и зафиксировать в нем основание угловой столбовой опоры. Диаметр бревен окладного венца составлял от 30 до 40 см.

В западной (более короткой стене) выбраны прямоугольные сквозные гнезда с упором для крепления вертикальных стоек. Сохранилось три подпрямоугольные вырубki, располагавшиеся с интервалом 3–3,5 м друг от друга. Вырубki, шириной 15–16 см и глубиной 4–5 см, в верхней части имели уступ, а в нижней переходили в сквозное отверстие шириной около 10 см (рис. 2, б). В бревне северной стены также прослежен аналогичный паз, в котором могла крепиться вертикальная стойка с шипом, а также горизонтальный сквозной паз

¹ Сооружение исследовано в 1986, 1999 гг. на Троицком VII, XII раскопах. Первая цифра обозначает номер Троицкого раскопа, вторая – номер полевого строительного яруса, третья – номер сооружения. Поскольку строение открыто на пограничных участках разных Троицких раскопов, указаны номера по каждому из раскопов, перечисленные через точку с запятой.

² Сооружение исследовалось на площади двух раскопов: Троицкий VII, XII в 1985, 1986, 1999 гг. (Янин и др., 1987, С. 75).

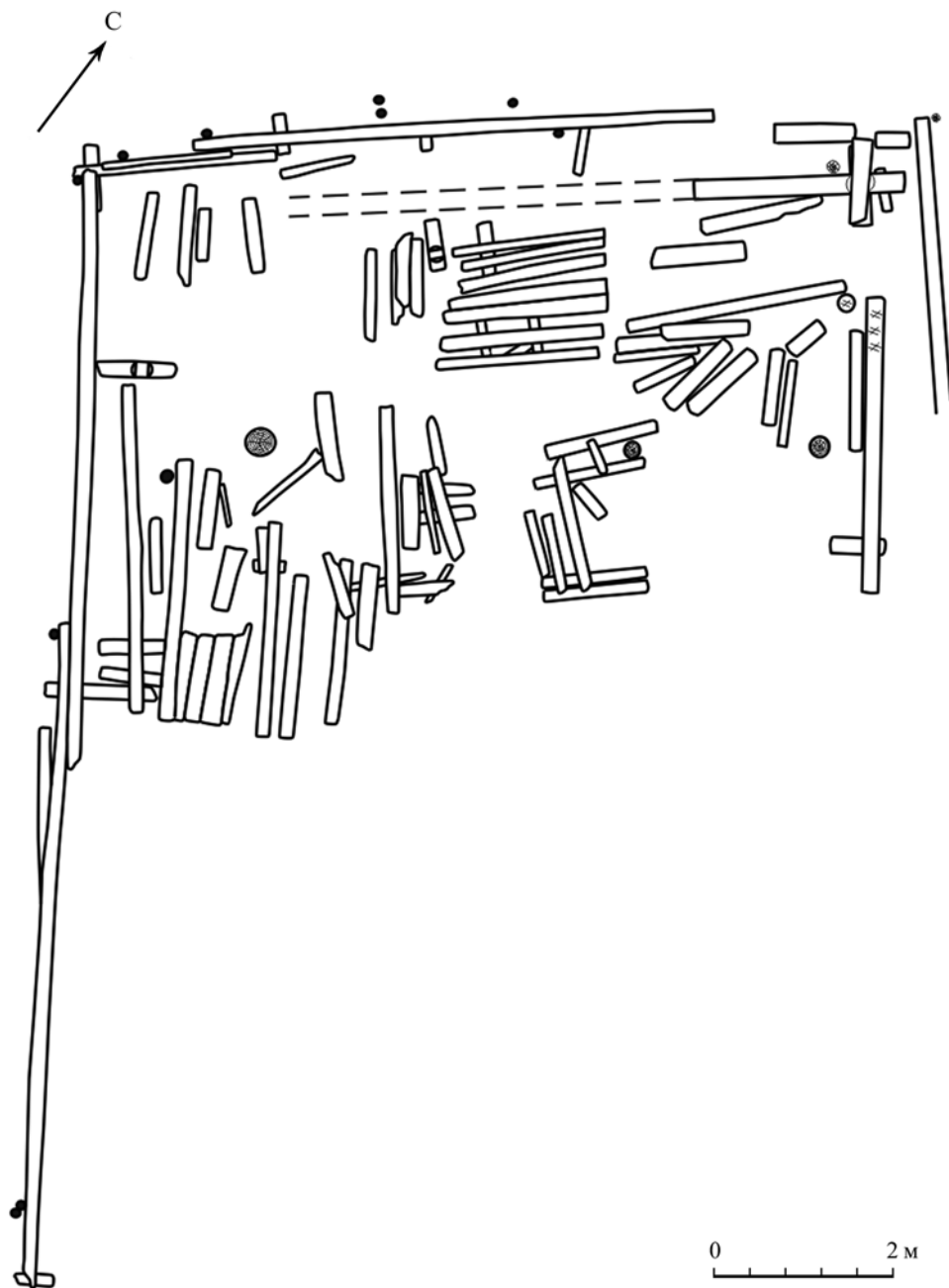

Рис. 1. Сооружение VII-23-70; XII-21-134.

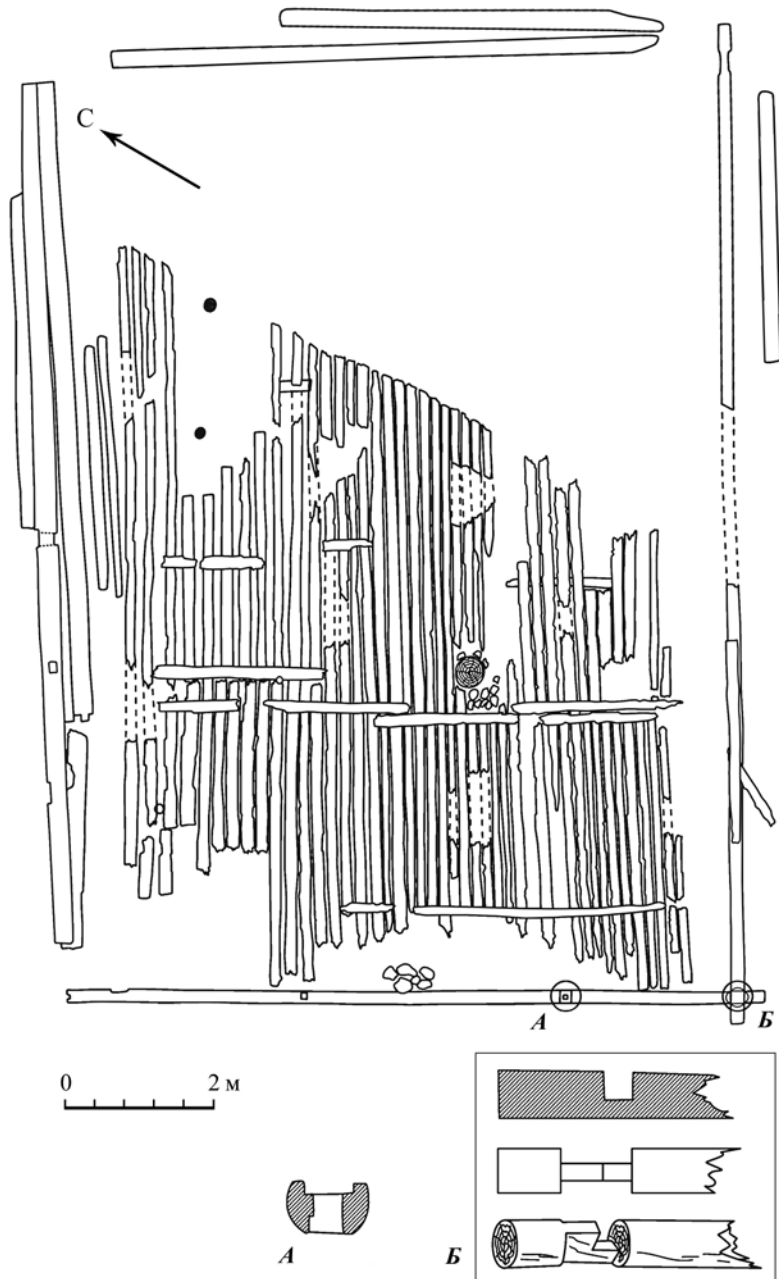

Рис. 2. Постройка VII-22-66; XII-19/20-122.

А – конструкция сквозных вырубок для установки стоек каркаса наборных стен (разрез); *Б* – конструкция замка, соединяющего бревна обвязки

(для крепления поперечной балки?) и подпрямоугольная вырубка для фиксации бревна с внешней стороны.

Внутреннее пространство постройки занято бревенчатым настилом, ориентированным вдоль длинной оси здания. Вплотную уложенные бревна настила были перекрыты поперечными бревнами, лежащими в три линии с интервалами 2–2,4 м. Являлись ли последние лагами чистого пола или остатками иных конструкций, не ясно.

Внешние бревна сооружения, сохранившие пазы для крепления вертикальных стоек, являлись опорой для наборных стен самого строения. Возможен и другой вариант реконструкции, при котором внешний венец использовался в качестве своеобразной фундаментной обвязки, ограничивающей несохранившееся основание постройки и одновременно служил опорой галереи. Настил подходил к южному и северному бревнам обвязки не вплотную, оставляя свободное пространство шириной около 60 см, достаточное для укладки стен. Исходя из различных вариантов реконструкции, внутренний бревенчатый настил представлял собой либо черный пол, либо своеобразную фундаментную площадку, подведенную под основание постройки.

В бревенчатом настиле прослежены утраты: подквадратные выемки размерами 50×50 см: прорубленные для установки вертикальных столбов, поддерживающих перекрытие. Сохранилось основание одного из столбов, забутованное камнями. Утраты расположены с некоторым нарушением регулярного порядка, возможно, они связаны с ремонтом: сооружение доживает по крайней мере до 60-х гг. XI в.

По своим некоторым чертам (размерам, пропорциям, ряду конструктивных особенностей, в частности: использованию каркасно-стоечной техники³, бревенчатому мощению внутреннего пространства и пр.) рассмотренная нами постройка обладала выраженным сходством с представительскими сооружениями более раннего времени – большими домами Старой Ладogi.⁴

Вопрос о назначении больших домов Старой Ладogi решался по-разному.⁵ Избегая прямых параллелей (новгородские и ладожские материалы разделены зна-

³ При разборке большого дома из горизонта Е1 Старой Ладogi, в обвязке которого выявлены аналогичные пазы, были обнаружены остатки вертикальных стоек с шипами на концах. Высота шипов – 16–17 см, размеры их оснований – 4–5×7–10 см. Шипы были подтесаны на четыре грани, такую же подтеску имели сами стойки (Рябинин, 1985. С. 45). Форма и размеры сквозных гнезд в венце постройки VII-22–66; XII-19\20–122 предполагают наличие подобного каркаса и позволяют указать на сходство конструкций внешних стен данных построек.

⁴ Большой дом размерами 10 х 16,8 м. открыт на Земляном городище Старой Ладogi в слоях горизонта Е1 (Рябинин, 2002. С. 15). Он состоял из скрепленной «в замок» обвязки, служившей основанием для галереи с наборными стенами. Внутреннее пространство занимал сруб размерами 10,4×7,45 м. (77,5 кв. м). В межсрубном пространстве располагался бревенчатый настил. В 930-х гг. (горизонт Д) на месте данной постройки была поставлена аналогичная (Рябинин, 2002. С. 24–26).

⁵ Первоначально постройка из горизонта Е1 Строй Ладogi была атрибутирована исследователями в качестве жилища купеческой артели (Рябинин Е.А., 1985. С. 47), а позднее – как дворец ладожских правителей: князя или наместника (Рябинин Е.А. 2002. С. 23; Кузьмин, 2008. С. 83–85).

чительным временным промежутком – около 100 лет), можно допустить, что новгородские нестандартные постройки использовались в качестве представительских или общественных. В этой связи стоит отметить, что на Троицком раскопе в слоях X – середины XI в. фиксируется выраженный шлейф вещей, связанных с княжеским окружением (*Хорошев*, 1988. С. 160–163).

Предложим еще одну версию относительно использования нестандартных сооружений, исследованных в Новгороде. Постройка VII-22–66; XII-19\20–122, так же как и предшествующее ей VII-23–70; XII-21–134, располагалась в западной части усадьбы Е, занимавшей участок к юго-западу от перекрестка Пробойной и Черницыной улиц. Именно на территории данной усадьбы, значительно превышавшей по площади соседние владения, в слоях второй четверти XI – первой четверти XII в. обнаружено скопление деревянных цилиндров, надписи на которых и особенности устройства, как это убедительно доказано В. Л. Яниным, позволяют рассматривать их в качестве пломб для запечатывания мешков с данью. Совокупный анализ источников, топография и датировка данной категории находок позволили В. Л. Янину сделать важные выводы относительно особенностей организации фиска в раннее время: контроле, осуществляемом новгородской социальной верхушкой над государственными доходами – деятельностью княжеского фискального аппарата (*Янин*, 2001. С. 31–65).

Хотя состав находок, полученных непосредственно из заполнения интересующей нас постройки VII-22–66; XII-19\20–122, достаточно нейтрален, и скопление цилиндров сосредоточено за ее пределами (на площади двора в восточной стороне усадьбы), можно предположить, что обнаруженное нами нестандартное сооружение могло использоваться в качестве места первоначального хранения государственных податей – собранной в новгородских волостях дани. Разумеется, данное предположение имеет право на существование лишь в форме гипотезы.

Завершая характеристику нестандартных построек, еще раз остановимся на некоторых основных моментах:

1. Нестандартные сооружения сохранились в виде бревенчатых настилов, окруженных срубным венцом или обноской, и имели вытянутые пропорции. Строения имели значительные размеры, заметно превышающие размеры основной массы домов.

2. Реконструкция подобных сооружений вызывает затруднения. Степень сохранности и особенности конструкции позволяют достоверно интерпретировать только одну из них: VII-22–66; XII-19\20–122. По своим размерам, пропорциям и ряду конструктивных особенностей «нестандартная» новгородская постройка имеет сходство с большими домами Старой Ладogi. Поэтому мы сочли возможным использование ладожских материалов при рассмотрении различных вариантов реконструкции.

3. «Нестандартные» постройки единичны: они открыты в Людином конце Новгорода и связаны усадьбой Е, имеющей особый статус и роль в средневековом городе на протяжении длительного времени. Именно на площади данной усадьбы чуть позднее, в 20-х гг. XII в., сооружается административный комплекс, связанный с местонахождением «сместного» суда князя и посадника (к административному комплексу XII в. относится выполненный из сосновых плах крытый настил общей площадью около 130 кв. м (*Янин*, 2001. С. 6–30; *Янин*, 2008. С. 48–50).

Очевидно, что неординарное строение VII-22–66; XII-19\20–122 могло выполнять весьма нетипичные функции (использоваться в качестве представительской, общественной постройки или служить местом хранения дани). В свою очередь, значительные размеры и массивность постройки, а также особенности ее устройства (наборные стены и необычный способ крепления внешнего венца) отражают уникальность усадебного комплекса, к которому она принадлежала.

ЛИТЕРАТУРА

- Кузьмин С.Л., 2008. Ладога в эпоху раннего средневековья (середина VIII – начало XII в.) // Исследование археологических памятников эпохи средневековья / Отв. ред. А. В. Виноградов. СПб.: Нестор-История. С. 69–94.
- Рябинин Е. А., 1985. Новые открытия в Старой Ладоге (итоги раскопок на Земляном городище 1973–1975 гг.) // Средневековая Ладога / Отв. ред. В. В. Седов. Л.: Наука. С. 28–76.
- Рябинин Е. А., 2002. Новые данные о «больших домах» Старой Ладоги: по материалам раскопок Земляного городища в 1973–1985 гг.) // Старая Ладога и проблемы археологии Северной Руси / Отв. ред. Е. Н. Носов. СПб.: Государственный Эрмитаж. С. 15–29.
- Фараджева Н. Н., 2000. Типология и эволюция срубных построек древнего Новгорода // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Вып. 14 / Отв. ред. В. Л. Янин. Великий Новгород: НГОМЗ. С. 80–99.
- Хорошев А. С., 1988. Происхождение и социально-политическая характеристика боярства Людина конца // Труды V Международного Конгресса археологов – славистов. Т. 2 / Киев: Наукова Думка. С. 160–163.
- Янин В. Л., 2001. У истоков новгородской государственности / Ред. Л. Н. Яковлева. Великий Новгород: НовГУ. 150 с.
- Янин В. Л., 2008. Очерки истории средневекового Новгорода. М.: Языки славянских культур. 425 с.
- Янин В. Л., Рыбина Е. А., Хорошев А. С., Гайдуков П. Г., Сорокин А. Н., 1987. Отчет новгородской археологической экспедиции за 1986 год // Архив ИА РАН. Р-1. № 11363, 11363д.

Сведения об авторе

Фараджева Наталия Николаевна, Институт археологии РАН, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, 117036, Россия; e-mail: fnn1@yandex.ru.

N. N. Faradzheva

Unusual constructions investigated in Troitsky excavation area in Novgorod

Abstract. In the paper two unusual timber constructions from the Lyudin district of medieval Novgorod are discussed. The both date from the 11th c. The two constructions show some non-standard constructive features and off-dimensions, when compared with the general picture of town manors' development. Combined analysis of a number of factors makes it possible to suggest several versions concerning function and constructive traditions of building such dwellings.

Key words: dwelling construction, planning structure, development of land plots, manor complex

About the author

Faradzheva Nataliya N., Institute of Archaeology Russian Academy of Sciences, ul. Dm. Ulyanova, 19, Moscow, 117036, Russian Federation; e-mail: fnn1@yandex.ru.